

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

«И РАДОСТНО РАСПРАВИТ СТРЕКОЗА ЛЮБОВЬ МОЮ...» (инсектные мотивы в любовной лирике М.А. Кузмина 1910–1920-х гг.)

© Оксана Геннадьевна ШЕЙНА

Курский областной краеведческий музей, г. Курск,
Российская Федерация, научный сотрудник,
e-mail: acksinya@mail.ru

Рассмотрены образы крылатых насекомых в лирике М.А. Кузмина как частное проявление мотива полета. Полет представлен как необходимый для поэта способ перехода из мира реального в мир вымышленный. Особое внимание уделено понятию «нездешнего» мира, в котором пребывает лирический герой, а также контаминации древнегреческих и славянских традиций в художественном воплощении образа крыльев. Выявлены наиболее значимые для поэзии М.А. Кузмина 1910–1920 гг. образы летающих насекомых: бабочки, мотылька, пчелы. Проведен сопоставительный анализ образа крылатой древнегреческой богини Психеи в стихотворениях «Ангел благовествующий» (1919) и «Fidesapostolica» (1921), вариативность репрезентации которого выступает как проявление «капризного синкретизма» в творчестве поэта. На примере текстов «Ко мне скорее, Теодор и Конрад...» (1924) и «На площадке пляшут дети...» (1921) проанализирован мотив движения и остановки насекомого, соотносящийся с движением человеческой души и достижением эмоциональной цели. Рассмотрены фонетические особенности стихотворения «По черной радуге мушиного крыла...» (1921), а также определена роль разных видов рифм в структуре текста. Метафорическая способность к полету обозначена как одна из главных характеристик состояния любящего человека в поэзии и прозе М.А. Кузмина.

Ключевые слова: М.А. Кузмин; мотив полета; образы насекомых; античная мифология; любовная лирика.

Основная особенность не только поэтического творчества, но и личности М.А. Кузмина заключается в его принадлежности к «нездешнему» миру.

Сформировавшаяся под влиянием книг и путешествий погруженность в иные миры и культуры позволяла поэту чувствовать себя гостем в реальной обстановке. Воспитанная с раннего детства религиозность служила ему опорой для такого отречения, подкреплялась знаниями об уже не существующих странах и цивилизациях: Александрии, Атлантиде и т. д. Именно эта отчужденность давала повод к «александрийской» биографии поэта, созданной М.А. Волошиным, к различным догадкам о национальности М.А. Кузмина (современники обнаруживали в его облике черты то цыгана, то итальянца, то сирийца), придавала очарование его весьма оригинальной внешности, вызывала симпатию, подобную той, что возникает при общении с иностранцем-интеллектуалом. По мнению

Л.В. Савельевой, «камерность и экзотический антураж были нужны ему для идеальной жизни в царстве культуры, которую он, в определенном смысле *гражданин вселенной*, сознательно предпочитал т. н. правде жизни. Его цитаты, аллюзии, реминисценции говорят о вторичности творимой поэтической реальности, что было совершенно в духе Серебряного века» [1]. Отстраненность, отчужденность помогли сохранить личную и поэтическую независимость, о которой говорит Н.А. Богомолов [2], и преодолеть страх земной смерти, сделав из умирания целое действо, подробно рассмотренное в творчестве поэта А.К. Жолковским и Л.Г. Пановой: «Смерть для Кузмина – орудие восприятия жизни, но не в духовно-этическом, а в эстетическом ключе. Честолюбивая задача преодоления смерти красотой решается в «Сладко умереть...» с помощью установок на гедонизм, эстетизм, интертекстуальность, медитативное отстранение и свободу выбо-

ра» [3]. Легкость свободы выбора, а соответственно, перехода от жизни к смерти объясняется пребыванием между двумя мирами: реальным и вымышленным, перемещение между которыми осуществляется посредством полета. Самостоятельного исследования, посвященного художественной репрезентации мотива полета в поэзии М.А. Кузмина, не проводилось. Однако изучение философской концепции и художественных средств, связанных с данным явлением, может существенно расширить масштаб изучения творчества поэта. В этой связи интересен эксперимент М.Л. Гаспарова, составившего два вида тезаурусов к сборнику «Сети». В формальный тезаурус вошли имена существительные, сгруппированные по сходству в несколько тематических рубрик, в функциональный – лексемы, объединенные по смежности, т. е. по текстовым ситуациям [4]. Полученные исследователем результаты показывают, например, что слово «крылья» перемещается из подгруппы «организм и его продукты», входящей в тематическую рубрику «природа живая» формального тезауруса, в рубрику «Лица» – «Я» – «Духовный мир» функционального тезауруса. Причем на слово «крылья» приходится три из двадцати двух словоупотреблений, большее количество которых приходится в данной группе только на слово «роза», о которой как об устойчивом образе немало сказано в кузминоведении (например, в статье И.А. Табункиной рассматривается мотив розы как показатель эстетической близости М.А. Кузмина и английского графика О. Бедрсли [5]). Подобный род литературоведческого эксперимента может быть полезен как для внесения конкретики в общую характеристику художественного мира поэта, так и для детального рассмотрения отдельного образа или мотива и возможностей его функционирования в тексте. Несмотря на то, что материалом для анализа послужил ранний сборник «Сети» (1907–1908), схожие тенденции можно проследить и в более позднем творчестве М.А. Кузмина.

М.А. Кузмин по своей философии – человек нездешний, иностранец, инопланетянин, поэтому многое в его поэтической эстетике – нездешнее. В контексте рассмотрения мотива полета остановимся, например, на такой мелкой и незначительной, на первый взгляд, де-

тали художественного мира поэта, как насекомые. Особое отношение поэта к мелочам подчеркивает Л.Г. Панова: «М.А. Кузмина как *homolegens* выдают любовно выписанные мелочи – растения (от лотоса, камыша, которые сразу опознаются как египетские, до левкоев, роз, акации, жасмина), птицы (голуби, орлы, павлины), предметы <...>, празднества» [6]. Добавим к данному перечню насекомых, которые у М.А. Кузмина практически не являются обитателями реального русского пейзажа (что свойственно, например, поэтической традиции XIX в.). В большинстве случаев они становятся частью метафоры или сравнения, что делает их существование призрачным. Может показаться, что они не несут особой смысловой нагрузки. Но большинство насекомых крылатые, а крылья – один из ключевых образов в творчестве М.А. Кузмина: это не только символ свободы любви, творчества и самовыражения, но и возможности быстро покинуть враждебный мир, улететь туда, где возможно обрести счастье. Именно поэтому окончившее полет насекомое становится метафорой некоего абсолюта, покой знаменует наступление того момента, когда больше не хочется улетать.

В любовной лирике полет может обозначать интенсивность переживания, а окончание движения крыльев – успокоение, умиротворение, достижение желанной эмоциональной цели. В стихотворении «Ко мне скорее, Теодор и Конрад...» (1924) жаждущий любви лирический герой оказывается в пустыне, напоминающей о Древнем Египте: «Песок, песок, песок... / Жалкие глыбы гробницы... / Ни облака, ни птицы... / Отбившийся мотылек / В зное недвижим висит... / Все спит... / Как мир знакомый далек!» [7]. Пустоту вымышленного мира нарушает лишь мотылек, который охарактеризован эпитетом «отбившийся», подходящим и для самого лирического героя. «Висящий» в воздухе мотылек подчеркивает волнение и трепет затянувшегося ожидания. Кульминационное явление «давно известного» человека сопровождается окончанием полета: «А мотылек усталый опустился / На кончик лакированной ботинки / И белым бантиком лежать остался» [7]. Отметим, что существительное «полет» в анализируемом тексте не употребляется, его заменяют глаголы «висит» и «опустился». Лексема «крылья» также

отсутствует, однако ее замещает визуальный образ: форму «бантика» создают угадывающиеся расправленные крылья. Сходное композиционное строение находим в стихотворении «Солнцем залит сад зеленый...» (1909), в котором томительное предвкушение встречи сопровождается движением насекомых: «Еле дышишь, еле видишь... / Рой вверху жужжит пчелиный... / Где-то стук копыт услышишь... / Едет всадник в сад зеленый...», а долгожданное свидание – остановкой: «Я, любовью утомленный, / К сердцу всадника прижмусь... / Опустился рой пчелиный!..» [7]. Факт возвращения к рассматриваемому мотиву через большой временной промежуток позволяет говорить о его значимости для поэтического мира М.А. Кузмина.

Отголоски данного явления, напоминающего фольклорный принцип параллелизма, появляются и в других произведениях, приобретая вариативность звучания. В стихотворении «На площадке пляшут дети...» (1921), например, вьющийся мотылек не останавливается, что подчеркивает печальное настроение и неизвестность его причины, общую неясность чувств, неопределенность будущего: «Вьется белый мотылек / В утомительном покое. // Умилен и опечален, / Уплываю смутно вдаль. / Темной памятью ужален, / Вещую кормлю печаль. / Можжевельника ли жаль / В тусклом золоте развалин?» [8].

Устойчивость данного мотива подтверждает неизданное стихотворение, опубликованное в качестве приложения к вышеупомянутой статье М.Л. Гаспарова «Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный». Произведение, по предположению автора статьи, хронологически относится к концу 1920-х гг. и «производит впечатление алфавитного указателя характерной топики собственного творчества (раннего и позднего), составленного самим поэтом» [4]. Приведем первые четыре строки, соответствующие буквам «А», «Б», «В» и «Г»:

«1. Айва разделена на золотые, для любви, половинки. Предложить – вопрос, ответить – ответ.

2. Желтая бабочка одна трепещет душою на медовых шероховатых округлостях, пока не появится

3. всадник, и не будет

4. гостем» [4].

Следует отметить не только мотив сопоставления движения насекомого и предвкушения встречи, но и отождествление бабочки с человеческой душой, что характерно для народных поверий, в т. ч. славянских. В этом же произведении есть еще один фрагмент, связанный с мифологией:

«12. и мандолина миндально горчит слух. Испано-Рим и арабо-Венеция загробытым кузнечиком гнусаво трещат, как крылышком богини Пэйто – убеждения» [4].

На этот раз образ крыльев перемещается в иную тематическую группу: от части организма насекомого к части тела божества. В этом отношении неопубликованный текст также показателен: в художественном мире М.А. Кузмина крыльями, а значит и способностью к полету, зачастую наделены насекомые и мифологические герои, в данном случае – древнегреческая богиня убеждения Пэйто, дочь Океана и Тефиды, спутница богини Афродиты. Как утверждают А.К. Жолковский и Л.Г. Панова, «укладывание остро-человеческого содержания в готовые культурные формы – часть общего эстетического квеста М.А. Кузмина. Для его экзистенциальных исканий оно означало стремление осмыслить себя при свете античности, литературу же обогатило сплавом лирического новаторства с узаконивающими его привычными формами» [3].

В античной мифологии следует искать истоки интереса М.А. Кузмина к полету как метафоре состояния свободы и влюбленности. Крыльями наделен бог любви Эрот: «Крылья нежные расправил, / И хохочет, и щекочет, / И без цели, и без правил / Сердце бьется, сердце хочет, муки сладкие узнав» (1911) [7]. Кроме того, именно античность предлагает нам сосуществование богов и насекомых: пчела была неизменной спутницей сына Афродиты. В названном факте кроются истоки сравнения поцелуя с укусом пчелы, которое встречается в стихотворении из цикла «Песеньки» (1912): «Солнце – лицо твое, руки белы, / Жалят уста твои жарче пчелы. // Кудри шафрановы, очи – смелы, / Взгляд их быстрее и острее стрелы. // Щеки что персик – нежны и спелы, / Бедра что кипень, морские валы. // Где же найти мне достойной хвалы? / Скудные песни бедны и малы» [7].

Отметим весьма своеобразную, но вполне характерную для творчества М.А. Кузмина контаминацию античных поэтических и славянских фольклорных традиций. Солнце, морские валы, шафран, стрелы напоминают о Греции и рожденной из пены Афродите. Колорит народной лирической песни создают краткие прилагательные («белы», «шафрановы», «смелы» и т. д.), составные именные сказуемые («что кипень», «что персик»), однородные сказуемые («нежны и спелы», «бедны и малы»), а также параллельные синтаксические конструкции.

Стихотворение из цикла «Песенки» может стать примером «капризного синкретизма», о котором упоминает поэтесса Н.В. Волькенау относительно раннего цикла М.А. Кузмина «Александрийские песни»: «Между прочим, не снявши еще своего старорусского костюма, читает М.А. Кузмин свои «Александрийские песни» – наглядное проявление капризного его синкретизма» [2]. Синкретизм может проявляться и в разной стилистической окраске одного и того же образа, введенного в разные тематические и эмоциональные контексты. Рассмотрим стихотворения «Ангел благовествующий» (1919) и «Fidesapostolica» (1921), написанные в разной манере, но содержащие обращение к образу Психеи. Первое, сложное по тематике, наполненное образами греческой мифологии и библейскими реминисценциями, и не менее сложное по форме, совмещающей в себе различные стихотворные метры, виды строф и способы рифмовки. Второе – изящная шутка, контрастирующая с начальной цитатой на латыни. В первом тексте упоминается имя Психеи: «Рукою радостной завеса / Отдернута с твоей души... / Психея, мотылек без веса, / В звенящей слушает тиши» [7]. Во втором случае имя богини не названо, однако ее незримое присутствие очевидно: «Напрасно ночь-арабочка / Сурдинит томно скрипки, / – Моя душа, как бабочка, / Летит на запах липки» [7]. В «Ангеле благовествующем» Психея неподвижна, невесома, окружена тишиной, в «Fidesapostolica» ее атрибутами становятся звук, запах, движение, – душа будто обретает телесную оболочку. В резко отличающихся по смысловому наполнению и стилистическому решению текстах лексемы «мотылек» и «бабочка» имеют разную окраску: мотылек кажется более «воз-

вышенным», более подходящим для сочетания с греческим именем, образ бабочки воспринимается как более игривый, телесный, осязаемый.

Интерес М.А. Кузмина к крыльям не только в метафорическом, но и прямом смысле настолько необъятен, что даже на крыле мухи поэту удается разглядеть радугу. Стихотворение «По черной радуге мушиного крыла...» (1921) – загадка, полная неясностей, философская медитация. Бессмертие души воспринимается как некая вторая жизнь, что подчеркивают оксюмороны: «впервые вижу снова», «прежний ветерок <...> нов». Импульс стихотворения расходится от одной точки: из «мушиного крыла» – в широкое пространство, взгляд постепенно поднимается все выше и выше: пастбища – небосклон – гора Геликон. Оксюморон присутствует и в «черной радуге», и в составляющих неравносложную рифму словах «Геликон» и «икона», одно из которых отсылает к греческой мифологии, другое – к православной традиции. Настроение произведения напоминает состояние просыпающегося человека, перерождение, отход ото сна навстречу заре. Фонический рисунок способствует звонкому, выразительному, но плавному и равномерному звучанию. В богато аллитерированном звуковом аккомпанементе преобладают сонорные звуки, среди которых наиболее частотным является звук [н]. Музыкальность текста подчеркивают разнообразные виды рифм, при определении которых мы пользуемся терминологией М.Л. Гаспарова [9]. В каждой строфе рифмуются все четыре слова. В первом четверостишии рифмы «крыла-пчела», «открыла-отлучила» являются точными с совпадением «как гласных, так и согласных звуков», а «крыла-открыла», «пчела-отлучила» – разноударными, «в которых графическое сходство рифмующихся слов сохраняется, но сходство звучания разрушается разной позицией ударений» [9]. Рифмы второй строфы «снов-нов», «снова-основа» – богатые, для них характерно «кроме обязательного созвучия ударного и послеударных звуков еще и созвучие предударных (опорных) звуков», «снов-снова», «нов-основа» – неточные, неравносложные [9]. В третьем катрене рифмы «небосклон-Геликон», «лоно-икона» – точные, «небосклон-лоно», «Геликон-икона» – неточные, неравносложные.

Чередование разных видов точных и неточных рифм, насыщенная звукопись делают стихотворение похожим на поэтический эксперимент: в первой строфе наиболее выразительно звучат шипящие и [ч], во второй – сочетания с сонорными [дл], [вл], [пл], [сн], в третьей – сочетания [зл], [зд] и находящиеся в сильной позиции [р], [з] (например, в окказиональном словосочетании «розой зорь аврорится»). Таким образом, создается впечатление перехода от негромкого шороха в первой строфе к более звонкой тональности во второй и взрывному громкому аккорду – в третьей, что дополняет ощущение перехода от сна к яви.

Античность дала поэту одну из основных идейных линий – мотив окрыленной души. Именно влиянием античной традиции обусловлено появление в поэтическом мире М.А. Кузмина насекомых. Основное их достоинство для автора – наличие крыльев и способность к полету. Интересно отметить, что в поэзии М.А. Кузмина отсутствует кузнечик, образ весьма популярный в русской лирике и зачастую наделенный глубоким философским смыслом (вспомним кузнечиков М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Я.П. Полонского, В.В. Хлебникова, Н.А. Заболоцкого). Имеющий крылья кузнечик является одним из немногих насекомых, не умеющих летать. Возможно, именно поэтому ему почти не находится места в художественном мире поэта. Отождествление «любовь – крылья», сопоставление любви и чувства готовности к полету лежит в основе перифраза «И радостно расправит стрекоза любовь мою...» в стихотворении «О чем кричат и знают петухи...» (1924), которое отсылает нас к словам Штрупа из повести М.А. Кузмина «Крылья» (1906): «И люди увидели, что всякая Красота, всякая любовь – от богов, и стали свободны и смелы, и у них выросли крылья» [10].

1. Савельева Л.В. Слово и музыка в лирике Михаила Кузмина // Русская речь. 2009. № 3.
2. Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996.

3. Жолковский А., Панова Л. Самоубийство как прием: «Сладко умереть...» Михаила Кузмина // Звезда. 2008. № 10.
4. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов с комментариями. М., 1993.
5. Табункина И.А. Рецепция Обри Бердсли в стихотворении М. Кузмина «Приглашение» // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (18). С. 121-130.
6. Панова Л.Г. «Александрийские песни» Михаила Кузмина: генезис успеха // Вопросы литературы. 2006. № 6.
7. Кузмин М. Стихотворения. СПб., 2000.
8. Кузмин М.А. Избранные произведения / сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова, Р.Д. Тименчика. Л., 1990.
9. Гаспаров М.Л. Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Избранные статьи. М., 1995. С. 275-285.
10. Кузмин М.А. Подземные ручьи: Избранная проза. СПб., 1994.

1. Savel'eva L.V. Slovo i muzyka v lirike Mikhaila Kuzmina // Russkaya rech'. 2009. № 3.
2. Bogomolov N.A. Mikhail Kuzmin: iskusstvo, zhizn', epokha. M., 1996.
3. Zholkovskiy A., Panova L. Samoubiystvo kak priem: "Sladko umeret'..." Mikhaila Kuzmina // Zvezda. 2008. № 10.
4. Gasparov M.L. Russkie stikhi 1890-kh – 1925-go godov s kommentariyami. M., 1993.
5. Tabunkina I.A. Retseptsiya Obri Berdli v stikhovorenii M. Kuzmina "Priglasenie" // Vestnik Permskogo universiteta. 2012. Vyp. 2 (18). S. 121-130.
6. Panova L.G. "Aleksandriyskie pesni" Mikhaila Kuzmina: genezis uspekha // Voprosy literatury. 2006. № 6.
7. Kuzmin M. Stikhotvoreniya. SPb., 2000.
8. Kuzmin M.A. Izbrannye proizvedeniya / sost., podg. teksta, vstup. st., komment. A.V. Lavrova, R.D. Timenchika. L., 1990.
9. Gasparov M.L. Khudozhestvennyy mir M. Kuzmina: tezaurus formal'nyy i tezaurus funktsional'nyy // Izbrannye stat'i. M., 1995. S. 275-285.
10. Kuzmin M.A. Podzemnye ruch'i: Izbrannaya proza. SPb., 1994.

Поступила в редакцию 24.11.2015 г.

UDC 82.09

“AND THE DRAGONFLY WILL GAILY SPREAD MY LOVE...” (the insect motives in M.A. Kuzmin’s love poetry in 1910–1920)

Oksana Gennadyevna SHEINA, Kursk Regional Museum of local lore, Kursk, Russian Federation, Research Worker, e-mail: acksinya@mail.ru

The images of winged insects as a motif of flight manifestation in Kuzmin’s poetry are considered. The flight is represented as an essential way to transfer from the real to unreal world. Special attention is devoted to the concept of mysterious world in which the lyric hero is staying and the contamination of ancient Greek and Slavic traditions in the image of wings realization. The main images of winged insects (butterfly, moth, bee) which is significant for Kuzmin’s poetry of 1910–1920 are defined. The image of winged ancient Greek goddess Psyche is contrastively analyzed in the poems “Angel evangelizing” (1919) and “Fidesapostolica” (1921). The variants of this image represent the manifestation of “capricious syncretism” in Kuzin’s poetry. The motif of insect’s movement and stopping, correlating with the human soul’s motion and achievement the emotional aim, is analyzed in poems basing on the examples of poems “Come to me quickly, Teodor and Conrad...” (1924) and “On the ground children dance...” (1921). Phonetic peculiarities in the poem “To the black rainbow of fly’s wing” (1921) are considered, the role of different kinds of rhyme in the text structure is defined. The metaphoric capability to fly is denoted as one of the main characters of amorous man in M.A. Kuzmin’s prose and poetry.

Key words: M.A. Kuzmin; flight motif; images of insects; ancient mythology; amorous poetry.